

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Катерина ШПИЛЛЕР
Соло на два голоса

Катерина Шпиллер
Соло на два голоса

«Автор»

2016

Шпиллер К. А.

Соло на два голоса / К. А. Шпиллер — «Автор», 2016

"...Я подошла близко к себе самой, семнадцатилетней. Смотрю на свой профиль, курносый нос, распатланную причёску, струйку пота на виске... Я могу протянуть руку и дотронуться до себя. Меня нынешнюю явно никто не видит, зато я присутствую в своём прошлом, вижу и ощущаю его, ни на секунду не теряя связи с настоящим, помня о реальности, то есть... находясь в своём уме?" Содержит нецензурную брань.

© Шпиллер К. А., 2016

© Автор, 2016

Катерина ШПИЛЛЕР

СОЛО НА ДВА ГОЛОСА

ЛИЧНО Я...

Что же надо, чтобы понравится этому проклятому читателю? Лично я интересуюсь исключительно этим. Хочется понравиться читателю! Потому что нравиться издателю нынче нет никакого интереса. Лично мне.

Открываю один глаз, и кутузовским взглядом упираюсь в ядовито-красные цифры электронного табло. 7.32. Не поворачивается язык назвать «часами» чёрный экран сантиметров сорока по диагонали с яркими и хорошо видимыми метров с пятнадцати цифрами. А если учесть, что моя спальня всего-то квадратов двенадцать, то понятно, сколь значительно и даже вызывающе выглядит этот электронный счётчик времени в скромном пространстве. Часики-ходики, настоящие, натуральные, элегантные, мило тикают с другой стороны моего ложа, скромно расположившись на старинном изящном трюмо. И они ему, трюмо, не противоречат, сами с усами – антикварные, ардекошные, требующие завода каждые сутки, иначе они обижено останавливаются, и не слышать никакого тёплого ретрового тик-така.

Стадионное же табло заводить не надо, оно включено в розетку. Казалось бы, к чему среди красивых и с любовью подобранных вещей вот это чудище? Милые ходики хороши собой, деликатны, но если просыпаешься в темноте, то их стрелки разглядеть невозможно, даже напялив на нос самые мощные очки. Да и очки ещё требуется нащупать в пространстве вокруг себя, что спросонья плохо получается. Но даже, допустим, миссия удалась, завершилась успехом: очки нашлись быстро и водрузились не мимо, а прямо на нос... Один фиг: ни цифр не видно, ни стрелок на антикварной красоте. Всё такое тонкое, мелкое, изящное. Когда темно, самих-то часов вообще не видно. Их функция в нашем современном мире, как, к примеру, у той-пуделька – исключительно декоративная, никакой практической пользы. Чтобы узнать время, приходится пользоваться табло, современным, некрасивым, зато удобным и беспроблемным.

Все эти соображения в десятую долю секунду промчались в голове, пока один мой глаз пялился на цифры. Десятая доля секунды... А написано два некрохотных абзаца. Читатель заскучал, не так ли? Ведь именно мысль о читателе окончательно разбудила меня, заставив открыть одну «зраку» (такое определение ради рифмы и размера, видимо, дала одна сомнительная поэтесса глазам – зраки. Зато в моём тезаурусе появился новенький синоним слову «глаза»!).

Так что нужно читателю? Читателю нужен сюжет! Без сюжета ему скучно и непонятно, зачем автор взялся подробно и пристрастно рассказывать о своих чувствах и мыслях. Кому они интересны? Не стоит ставить себя выше всех прочих живущих – у всех есть чувства и мысли, но если эти «все» начнут их описывать, то читающие люди озвереют от чужих самовыражений и от скуки и вообще бросят что-либо читать, ибо станут бояться даже безобидных детективов и романчиков, будут опасаться открывать книги в том числе лёгонького жанра: а ну как оттуда опять и снова выпрыгнет рефлексирующий графоман, торопящийся навесить на каждого, кто прикоснулся к его творению, часть своих комплексов, капризов, болячек и даже, извините, совершённого свинства? А бедный читатель разбирайся, разматывай чужие сопли страданий и рассуждений, как правило, сводящихся к одному и тому же: я весь такой перед тобой, совсем непонятый толпой, единственный, неповторимый, жестоким обществом гонимый, делюсь бедой своей с тобой, о мой читатель дорогой, надеюсь, ты – чувак ранимый!

Хотя лично у меня по этому поводу есть своё и очень правильное мнение. Я ведь тоже читатель, и мне бывает ух как интересно вгрызаться в мысли и чувства разных человек! Поэтому, кстати, нежно люблю социальные сети: там все – писатели! Каждый самый обычный, самый тривиальный пользователь Сети, приступая к созданию своего блога, уже немножечко мнит себя мастером слова. И это ж здорово! Любопытно! Некоторые раскрываются в таком качестве весьма успешно. Важно лишь одно: насколько интересны и глубоки мысли и чувства пишущего гражданина, и чуть менее важно, насколько он владеет даром вязать словами красивые узоры.

«Та нууу! – ноет тот, другой, не такой, как я, читатель и внезапно орёт голосом Алисы Лиддел: «Что толку в книжке, если в ней нет ни картинок, ни разговоров?»

Да прав он, прав! Размышления и описания чувств на страницы, на десятки страниц, не стесняясь, могут позволить себе лишь великие, делающие это так, что не отвлечёшься, не отложишь ни на минутку, не оторвёшься, как от самого крутого и увлекательного детектива. Но если ты не велик и не искущён в писательском деле, то будь любезен выдавать в нужном количестве картинки, разговоры, сюжет. Иначе напрасно затевался, копаться с интересом в твоём внутреннем мире никто не станет.

Будет тебе сюжет, вредный читатель! – решила я, разлепив вторую зраку и резко повернувшись на спину, чтобы потянуться и попытаться взбодриться после полубессонной ночи: как обычно, меня швыряли по постели и не давали спокойно спать те самые мысли и чувства, которые не шибко нужны читателю – без никакого сюжета, без связных разговоров... зато с картинками в виде придурочных снов, но подобные картинки к тексту на экране компьютера, к сожалению, никак не приспособить.

Утро – тяжёлое время дня. Потому что после нелёгкой ночи. Я давно уже не помню, что такое проснуться бодрой, шустро вскочить на ножки, быстренько метнуться в кухню и, радостно щурясь яркому солнцу, с наслаждением потягивать ароматный кофе. С глазированными сырками, разумеется – другого завтрака не понимаю. Его и завтракаю...

...Плотно задвинув толстую штору, чтобы солнце не изводило меня своим совершенно ненужным светом, сижу, глубоко вжавшись в стул, ссутулившись в три погибели (не могу по утрам распрямиться ну никак, меня тянет свернуться в позу эмбриона даже в вертикальном или сидячем состоянии), держу кружку обеими руками, будто мёрзну, хотя на самом деле не шибко уверена, что одной рукой сумею удержать двести миллилитров жидкости плюс тару. Слабые у меня руки по утрам, трясущиеся даже. Нет, я не пью. Ничего, кроме лекарств.

Утром главное – победить ростки тошноты в организме. Тошнота – ментальная, такая вечная, та, которую называют: «от жизни». С желудком никак не связано. С утра мозг строит себя в позицию с длинным названием «Надо продолжать жить, никуда не деться, такова реальность, её нужно принимать, всё не так плохо, всё даже очень неплохо, соберись, тряпка, жри свои сырки поскорей и дуй в душ освежаться – это тебя немножко примирит с действительностью». Вечная утренняя мантра плюс душ помогают не допустить перехода лёгкой тошноты в конкретную рвоту, которая пару раз происходила после моих внутренних, извините, ментальных воплей: «Всё-таки бледная ж жизнь какая, а?!». До этого нельзя доводить. Это надо профилактировать, а то потом весь день потеряю.

Завтрак в позе эмбриона, табуреточка в ванне, на которую пристраиваюсь, включая душ, в той же самой позе. Зачем табуреточка? Стоять – устаю, а сидеть на самом дне ванны... как-то неудобно, неэстетично, я ж не раскладываюсь, не ложусь, а сижу. Да и вставать потом проще с табуреточки, чем беспомощно скользить пятками по дну, пока рука ищет надёжную, правильную опору. Нет, я не инвалид и у меня все руки-ноги на месте. Просто, видимо, время такое

пришло – слабоножное, беспомощноручное. Ну, чуть раньше времени, так и основания для этого, скажем честно, имеются.

Словом, сижу я на табуреточке в позе васнецовской Алёнушки, стараясь зарядиться от тёплых струек воды, весело стучащих мне по холке и растекающихся дальше по такому нелюбимому нынче мною телу. Вопрос в никуда и никому: какого чёрта я развесила повсюду зеркала в этой немаленькой помывочной? Теперь, куда ни кинь взгляд (зраками), непременно видишь себя в самом что ни на есть беззащитном и честном виде. Ах, да... Развешивала я их ещё в то время, когда формально считалась и реально была женщиной в самом соку. Но это время прошло, наступило чуточку другое... Зеркала же прикреплены на совесть: их не снять, их сдирать и выкорчёвывать придётся, если уж приспичит. Жалко стены... да и сил нет. Пусть висят.

И пусть, пусть я буду каждый день видеть портящееся на глазах и с удивительной скоростью тело, уныло стареющее лицо, которому не помогают никакие самые крутые кремчики, никакие массажики и уколы. Всё – чушь, обман и разводка дур, вроде меня, а нас таких – легионы. Только под нож, хирургически и кардинально можно справиться, к примеру, с последствием гравитации. Но я никогда не решусь под нож. Значит, буду ежедневно наблюдать в онлайн режиме внимательно, близко и безжалостно процесс увядания и превращения в уродливую старуху. А кто мне виноват? Хотела собой любоваться тогда, когда была стройна и прекрасна – любовалась. Получала удовольствие? Получала. Не хочешь ковырять стены? Нет. Значит, твой выбор – визуальный мазохизм.

С другой стороны, отличное средство от иллюзий и изредка возникающих хулиганских желаний. Ну, с кем не бывает! И тогда получается в точности, как в той песне: «Пять минут у зеркала постой: ты всё поймёшь, ты всё увидишь сам». Кто знает, от какого количества глупостей меня зеркальный эксгибиционизм уже уберёт? Самая безобидная из них – это мечта о покупке той самой юбки в любимом магазине... Юбка была сантиметров на пятнадцать выше колена. Любимейший цвет, обожаемые фасон и материалчик. Я её, суку, померила, но не решилась – дорогая вещь... Потом дома ночью строго себе сказала: ты имеешь на это право, не те деньги, не бриллианты же! Едва дотерпела до утра, чтобы побежать и купить вожаделенное.

Но на пути к цели была ванная комната с множеством зеркал. И вот там всё и случилось. Прозрение. Я увидела в натуральном виде тётку своих лет, которая, как старая идиотка, собралась приобрести и, главное, носить мини-юбку! Боже, какой на меня напал смех. Мне было грустно и обидно, но в то же время ужасно смешно. Я тут же придумала для образа – заодно! – розу за ухо, гольфики с помпончиками и туфельки в цветочек. Вуаля! Престарелая городская сумасшедшая будет готова выйти на улицы любимого города, чтобы радовать прохожих!

Спасли меня тогда зеркала от идиотской и стыдной покупки. Повторюсь: то была самая безобидная и забавная история спасательской функции зеркал. Пару раз они удержали меня от романов с... скажу деликатно: с мужчинами помоложе меня. А если без деликатности, то с юнцами из моего фитнес-клуба. Не-не, не с тренерами, это было бы самым жутким падением в моей жизни! Спортсмен, тренер, гора мышц... Да меня мутит от их вида с двадцати метров, что вы!..

Речь о милых и интеллигентных юношах, пытавшихся сделать свои и без того прекрасные юные тела ещё прекраснее. При этом на их мордашках были написаны интеллект и высшее образование. Собственно, потому мы и разговаривались: я, когда вижу умное, интересное лицо, автоматом улыбаюсь и приветственно киваю... Тут и случалась у юношей ошибка восприятия: женщина улыбнулась, значит... И они, окрылённые, начинали разговор. Ну... я ж, конечно, не девушка уже и старею, но, видимо, ещё далеко не то, что себе вообразил читатель. Всё-таки держусь пока для своих, не скажу, скольких лет. Говорят, что очень даже держусь, типа даже слишком...

Словом, молодые люди изредка ещё обращают на меня внимание, и вовсе не потому, что хотят перевести старушку через дорогу. И вот... Несколько раз юноши с хорошими лицами

начинали со мной разговор. Тут уже на крючок попадалась я: умные мальчишки-то оказывались! И беседы начинали нестандартно, интересно, с подходцем!

– А вы заметили, какая картинка открывается сейчас из окна зала – именно сегодня, когда дождь по стёклам... Прямо чистый Писсарро, дождливый Монмартр.

– Ой! – я аж споткнулась на мате, от удивления перепутав последовательность движения ног. – Ну, вы скажете тоже. Писсарро, Монмартр, Париж... Это где ж вы такое там разглядели?

– Эмм... знаете, показалось... Такая осень красивая, – смутился молодой интеллектуал. Ну, реально ли было это проигнорировать и не продолжить разговор? То-то же.

И так пару-тройку раз. Везло мне на умниц. То Писсарро, то Жорж Перек с его выпендрёжным произведением с не менее вычурным названием «Исчезание»... То, помню, случился заход с Линча и Вуди Аллена одновременно. Как говорила героиня одного дивного советского фильма: «Мне целоваться нельзя – слабею». Вот так же нельзя допускать, чтобы мужчины со мной начинали умные разговоры прямо сразу с высокой интеллектуальной ноты. Я тоже от этого слабею. Во мне моментально вспыхивает женский интерес, и ещё какой силы!

Но стоило тем беседам с молодыми умничками начать переходить на иной уровень общения, стоило неукротимо приблизиться прекрасному продолжению красиво начатой любовной игры, как ситуацию от позорного развития спасала моя помывочная с зеркалами и отличным освещением. У меня к тому ж пока что всё в порядке с памятью: я отлично помнила внешний вид молодых людей там, в зале – их упругую кожу, обтянувшую рельефные крепкие мышцы, их ещё нежные лица, не огрублённые до синевы бритвой... их чистые глаза, чьи веки ещё понятия не имеют, что такое набрякнуть, даже если не выспаться...

Ну, и к чему этот цирк непристойный? Словом, юноши всегда бывали посланы подальше в их счастливую молодую жизнь, посланы вовремя и окончательно. А всё моя ванная комната, зеркальная, справедливая, но и жестокая до невозможности. Но я её сама такой сделала.

И вот я за письменным столом. Фигурально выражаясь. На самом деле всё выглядит так: моя застеленная ярким красно-золотым покрывалом кроватица превращена в шикарную восточную лежанку в подушках, количество которых практически не поддаётся подсчёту. Я и не пытаюсь уже, сбилась давно. Подушки периодически то прибавляются (сама покупаю новые, получаю в подарок от редких гостей), то выбрасываются в силу ветхости. Знаю точно только, что имеются три огромные – 80 на 80, четыре обычные и понятия не имею, сколько ещё маленьких думочек всяких и подспинников. Из этого всего богатства привычно сооружая себе полусидячее ложе и устраиваюсь в нём с ноутбуком, впечатываясь в подушки на долгие часы.

Читаю – сначала новости, потом любимые блоги... И только минут через сорок пять примерно дозреваю до того, что уже хочу писать сама. Вот и начинается мука мученическая! Ужас и кошмар моей жизни. Уточню сразу – кошмар любимый. Вот как хотите, так и понимайте.

Как они это делают? Они – писатели. И поэты. Как у них получается, что пришедшая ночью мысль не расплёскивается и не высыхает полностью к тому моменту, когда начинается работа? Да что там ночью! Вот только что, секунду назад, я подумала про нечто замечательное, про что-то такое новое, свежее, потрясающее, практически совершила открытие! Аж ахнула и чуть было не вылетела из подушек, чтобы выскочить на улицу и приставать к прохожим с поцелуями и с открытием своим. Потому что оно, моё открытие, как минимум, гениально. И – где оно? Что это было? Почему, как только открываю в компе ту самую страницу, на которую должен вылиться мощным Днепром мудрый и талантливый текст, моя голова оказывается чудовищно пуста, а из-под пальцев выстукиваются жалкие банальности и неловкие, неуклюжие слова и фразы, которые можно вполне использовать при составлении инструкций по эксплуатации – отличные будут мануалы, живенькие такие, с настроением! – но литературы из

этого не получится ни в коем случае, даже если этими жалкими словами я стану описывать наикрутейший сюжет.

Сюжет не спасение. Слова не те! Грамотные, русские, по делу, но... ничего не выходит. Надо лезть в карман, во много карманов, возможно, даже в чужие карманы.

Как у них это получается? Дурацкий вопрос. Потому что Таланты. Талантища. Гении! Вот дано. Иногда не по росту и не по размеру, уж простите. Как мог совсем молодой, пьющий, деревенский парень написать такое, скажите мне:

Увяданья золотом охваченный,

Я не буду больше молодым.

Это в двадцать шесть лет, да? Что он мог знать про «увяданье золотом»?

О, моя утраченная свежесть,

Буйство глаз и половодье чувств!

А это с чего? С похмелья?

И, наконец, под дых, с ноги, контрольный выстрел:

Все мы, все мы в этом мире тленны,

Тихо льется с кленов листьев медь...

Будь же ты вовек благословенно,

Что пришло процветать и умереть.

«С клёнов листьев медь...» «Что пришло процветать и...» Боже, двадцать шесть лет! Откуда дровишки, как парень нашёл слова с марианской глубиной понимания скоротечности жизни и неизбежности ухода? Когда все прочие юноши скачут козлами и не помышляют даже о седых волосах в недалёком будущем.

А потому что талантище! Бог, мироздание, космос или просто дура-природа, экспериментаторша хренова, как обычно, как у неё принято, по ошибке впихнула кучу бриллиантов в совершенно неподходящий для этого сосуд. Роскошная шуба – тяжёлая, сияющего меха, сложнейшего кроя – была бухнута на плечики не по размеру, не по росту, оказавшись непосильной тяжестью. Да простят меня обожатели поэта. Собственно, когда не по силе ноша, человек не выдерживает, ломается, он ведь не из железа сделан и не манекен, набитый папье-маше. Он тоже не виноват, ему этим даром, может, жизнь не только испортили, но и сократили раза в три.

Зато ему, гению, никогда не надо было ловить разбегающиеся, как ошпаренные тараканы, слова, метаться, забыв, будто и не умел никогда, как развернуть свою мысль таким образом, чтобы она не превратилась в инструкцию по эксплуатации или, в лучшем случае, в статью для модного журнала. Впрочем, тот поэт не писал прозу... Что я к нему привязалась? Наверное, из-за «листьев меди», которые как сразили меня однажды наповал, так и не отпускают. Особенно, когда вспоминаю возраст автора.

И что же мы видим на той самой моей страничке, которая обозначена у нас как «Proza»? Проза, не стихи. Проза, не статьи! Такая вот заявка, такое самомнение, да... А вижу вот это: *«Стопудово всегда, всегда живу не в своё время, не свою жизнь, не там и не с теми. Поэтому так трудно, так тягостно и не в своей тарелке! Поэтому чужая всем и дикая. Лишь изредка какие-то небольшие совпадения-пересечения делают мою жизнь не столь неудобной, а сносной, терпимой. Но это редко, временами».*

И вот этот, с позволения сказать, «прозаический абзац», эта не только писательская, но и журналистская импотенция светится на экране укором, кукишем, издевательским шаржем уже недели две. Bravo! Написала и успокоилась, можно вообще больше не дёргаться года два, да?

Но, похоже, спасение близко! Сегодня под самое утро мне приснилась... Нет, не таблица Менделеева. И нет, всё же не приснилась, а, скорее, наконец, выкарабкалась из клубка орущих и перекрикивающих друг друга ночных мыслей, из их толпы – вылуцилась идейка о том, какой сюжет можно попробовать развить, чтобы сюжет... хотя бы был. Ведь особенно и потеть не придётся, тема настолько близка мне в последнее время, что странно, почему прежде я не сделала ставку именно на неё? Пять начатых повестей – пять! И лишь одна из них дописана хотя бы до середины. Что происходит со мной, с моей работой, стоит преодолеть первые пару десятков страниц? Почему мои придумки, сюжеты, повести вянут, сникают, слабеют так же, как моё нынешнее тело, только ещё быстрее, ещё стремительнее?

Проходят недели, и мне страшно вернуться к любой из брошенных рукописей... пиксельписей... Надо придумать какое-то другое слово для этого безобразия на экране. Ну, не рукописи же это, в самом деле, если придираешься всерьёз. Пиксельписи... Пусть будет так. Мне страшно открывать любые из брошенных мною пиксельписей, потому что кажется... мнится странное: откроешь, сунешь туда нос, а там – труп. В данном случае, дохлятина моей работы, умершая идея, загнувшийся замысел. Вот это вот всё мёртвое, никому не нужное, потому что неинтересное, и уже даже плохо пахнет. Надо бы уничтожить, выбросить в виртуальную корзину, но разве поднимется рука? Ни разу не поднялась. Представьте, сколько в моём компе висит мёртвых пиксельписей! Я их лишний раз не трогаю, не открываю, делаю вид, что не замечаю. А они всё висят и висят... Мониторный эшафот. Виселицы в ряд. Верхний ряд, справа. Это всё трупики...

Итак, я на рабочем месте – в подушках на кровати. Мне удобно, тепло, уютно, тихо. А в голове есть задумка – и это всегда придаёт силы и некий оптимизм. Начнём?

КАК СВЯЗАТЬСЯ С МОИСЕЕМ

Посвящается тем, кто знает о взаимной любви лишь в теории, кто всегда уверен, что недостоин её, что никто его не любит и любить не может. Тем, кто в этом всё же ошибся, но успел прожить в нелюбви и без любви большую часть жизни.

ЧАСТЬ 1

САМОЛЁТ, ПЕРЕЛЁТ, БЕЗВРЕМЬЕ

Вот я и в самолёте. Впереди четыре с лишним часа, чтобы перевести дух и немножко осмыслить то, что происходит. Да и вздремнуть было бы неплохо: после безумных сборов, после волочения на себе трёх опухших от моего скарба красных чемоданов, которые я по дешёвке отхватила неделю назад в Ашане и сегодня героически и без всякой помощи притаранила в Домодедово. Когда смотрела на чемоданы как бы со стороны, когда они уже ехали по ленте, подумалось: а ведь сии три красные раздувшиеся тушки напоминают то ли опухоли, то ли фурункулы, то ли ещё какую-то гадость. И цветом, и формой. В экстремальной ситуации моё воображение раздухарилось.

После безумной круговерти предшествовавшего полугода и нереальной странности последних пяти лет жизни, у меня есть целых четыре с лишним часа абсолютного ничегонеделания и даже бездумия... или – как сказать? Недумания? Как назвать момент в двести пятьдесят минут, когда впервые за годы можно тупо сидеть в кресле авиалайнера и теперь уже покорно принимать судьбу, которую сама себе выбрала? Ещё полчаса назад было вполне реально всё повернуть вспять, в обратном, в известность, в знакомую повседневность, не выполнить собственного решения о развороте жизни в непонятно какую сторону, и не подсчитать, на сколько градусов, но уж точно раскурочить её по живому и начать выстраивать заново. Из того, что останется.

Ай, лукавлю! Каким это, интересно, макарон я смогла бы полчаса назад отыграть назад? Московская квартира с сегодняшнего дня сдана на год вперёд, деньги, между прочим, уплачены и положены на счёт в банке. В Израиле меня ждёт на год же снятая «дира» (это на иврите: ужасно назойливо напоминает слово «дыра», хотя ни чуточки не похожа на таковую по сути), за которую я уже тоже отвалила энную сумму в шекелях. Куда возвращаться со своими опухшими красными чемоданами-фурункулами? Кто мне вернёт деньги с Земли обетованной? В общем, все возможности что-то повернуть вспять я отрезала дважды, как это ни парадоксально: первый раз, когда два месяца назад отвалила кучу деньжищ за израильскую диру. Чисто теоретически на это можно было бы плюнуть... Ага, как же, плюнуть! На такие бабки – и плюнуть? Хотя, если меня сильно заклинило бы на «не уезжать», так и плюнула бы – что я, себя не знаю, что ли? Но то, что неделю назад очень милая семья с ребёнком вручила мне внушительную пачку деньжищ за год вперёд за мои трёхкомнатные хоромы... Вот это совсем ВСЁ. Не могу же я подлым образом вдруг заявиться сегодня к обеду в ими оплаченный дом и сказать: «Знаете, что? А я передумала. Давайте, уматывайте отсюда, я снова здесь намерена жить». Ага, а они сына в ближайшую школу уже определили и радовались, что всё так удачно складывается. Очень уж им моя дыра подошла и понравилась.

Нет, если я умею очень даже умело портить жизнь самой себе, подводить себя, выставить саму себя на бабки, обманывать опять-таки самоё себя, то уж точно никогда в жизни не позволю себе сознательно вытворить нечто подобное с людьми посторонними. Невозможно... И не потому что я такая хорошая и люблю себя, нет. Просто мне самой же бывает худо, очень худо от осознания того, что по моей вине кому-то плохо. Я боюсь таких ситуаций, ведь при всех моих пороках я – не мазохистка и мучиться мне совсем не нравится. Поэтому стараюсь изо всех сил не создавать коллизий, когда возникает ощущение, что от меня дурно пахнет. Самолюбие не позволяет.

Поэтому договор с семьёй с сыном-школьником был гарантией того, что теперь уже я с этого воздушного судна никуда не денусь и поеду, как миленькая, на ПМЖ в страну Израиль, на родину моих предков. Ну да, так говорят. Примем это, как данность, как красивую, элегантную легенду: сорокалетняя полуеврейка возвращается на Землю обетованную, на родину своих пращуров, чтобы... чтобы – что? Поклониться могилам? Каким могилам? Ощутить единение со своим самым древним на Земле народом? Я вас умоляю: с пафосом – это точно не ко мне.

Я поёрзала в неудобном кресле. Они никогда не бывают удобными в самолётах, я очень быстро начинаю маяться, пока сижу и лечу. Хочется вытянуть ноги, прилечь на бочок, как-то иначе повернуться, а дудки! Не предусмотрено, чай, не бизнес-класс.

– Да, эти сиденья ужасающие! – понимающе закивала сидящая рядом худенькая пожилая дама. – Ненавижу летать именно из-за них.

За понимание и сочувствие я благодарно улыбнулась соседке. Впрочем, не только за это: дама была мелкая, чистенькая, аккуратная и... ничем не пахнущая. Это очень важно для меня! Люблю тех людей, которые умудряются не носить с собой человеческий запах, отвратительный для меня во всех своих проявлениях, ибо я его ощущаю даже в мизерном присутствии. Специфический аромат кожи, волос... Привет от завтрака – запахи кофе и бутерброда с сыром

или чая с творожком, исходящие от человека, приводят меня в состояние депрессии, про пот вообще молчу: сатанею от этого почти до потери самоконтроля. Что такое потеря самоконтроля в моём исполнении? О, это ужасно! В такой ситуации я могу стать весьма грубой с ничего плохого не сделавшим мне человеком, могу резко развернуться и уйти, бросив разговор на полуслове, что само по себе ужасающее хамство, конечно... А куда и как уйдёшь в самолёте? Поэтому всякий раз, когда куда-то лечу, я дико напряжена, пока идёт посадка, и я ожидаю соседа по креслу: а вдруг? И коли это случается, мой личный полёт превращается в адскую пытку, даже если он «проходит нормально». Не могу есть, не могу пить, спать тоже не могу, могу только тихо страдать, согнувшись в три погибели в неудобной позе, закрыв глаза и отсчитывая минуты: «Скорее бы, за что ж мне это!» Сидящая рядом вонючка даже не подозревает, как я её ненавижу и готова убить. В какой-то момент она (или он) участливо наклоняется ко мне: «Вам плохо?» – и обдаёт ароматом человечины особенно остро и щедро. Я вздрагиваю всем телом, издаю нечто вроде захлёбывающегося стога: «Всё нормально, не беспокойтесь, просто устала...» Сосед(ка) озабоченно и сочувственно цокает языком, и на меня ко всему прочему наваливается тяжёлое чувство вины и ощущение себя распоследней сволочью: человек ко мне со всем сердцем, беспокоится, а мне страстно хочется зверски избить его прямо здесь и сейчас. Ну, и кому нужны подобные переживания и стрессы? Справиться с собой я всё равно не в состоянии, ничем и никак эта фобия не снимается и не облегчается, лучше как личность я от этих переживаний явно не становлюсь, мизантропия набирает высоту вместе с лайнером и одновременным осознанием, какая я нехорошая. Зато самооценка падает ниже уровня Мёртвого моря, вязко плещущегося там, куда я теперь летела, как к себе домой. Домой...

Хотя бы этой проблемы в этот раз не случилось. Сегодня всё отлично, соседка стерильно не пахнет вообще ничем. Такой редкий случай, что можно его расценить, как хорошее предзнаменование.

– Вы летите в отпуск? В самую жару вообще-то. Будьте осторожны, у вас очень белая кожа, – затеяла тем временем светскую беседу непахучая соседка. Ага, значит, мы расположены к беседе. Мы желаем поболтать в течение ближайших четырёх часов? Ну, что ж, за всё бывает расплата. Не пахнет, значит, хочет поговорить. Это не радует и не входит в мои планы. Придётся выкручиваться. Но пока что растянула я рот в американской улыбке:

– Нет, не совсем так. Я – новая репатриантка, как в Израиле это называется – ола хадаша.

– Правда? – радостно воскликнула дама, и тонкие её бровки подлетели высоко и почти на середине лба так весело запрыгали вверх-вниз, вверх-вниз, прелесть какая, цирк!

– Надо же, мне бы и в голову не пришло! Мазаль тов, хамуда! Лёгкой вам абсорбции! Но вы... одна? – недоумение соседки было удивлённо-печальным. Конечно, репатрироваться на Землю обетованную нужно всей мишпахой, то есть, большой семьёй, родным кагалом. Иначе как-то странно с их точки зрения, с точки зрения семейственных и традиционно родственно-кланово настроенных евреев. Непонятно им и даже дико, что из России в Израиль репатрируется одна-одинёшенька женщина лет сорока. Без мужа, без детей, без аидише мамы. Неправильно так! Человек не должен быть один, тем более в такой драматичной, стрессовой, но одновременно счастливой ситуации – в момент возвращения на родину предков. На Святую землю.

– Да, так получилось, – завела я заранее выученное сказание о том, как дочь приедет ко мне несколько позже, как в Израиле меня ждёт много родных людей... Что мы давно уже расстались с мужем, который не был евреем ни на грамм, и вряд ли принял бы идею переезда... и так далее. И всё это – святая правда, но и абсолютная брехня одновременно. Потому что дочь не собирается переезжать в Израиль из Америки и приедет ко мне только в гости; родня в Израиле не такая уж и близкая, и не особенно мы друг без друга скучали все эти годы, а бывший муж-не еврей... вообще история не про то. Но не рассказывать же, право,

каждому встречному долгую и странную, но никому неинтересную комическую драму – мою жизнь. Поэтому «шпионская легенда» была придумана заранее и выучена наизусть.

Самолёт пошёл на взлёт, а я как раз закончила своё повествование и с чистой совестью достала из сумочки маску для глаз. Чуть вздохнув как бы обречённо, стала её напяливать.

– А, вы хотите поспать, да? – с плохо скрываемой досадой осведомилась соседка. Совершенно очевидно, что она, давняя жительница Израиля, уже мысленно предвкушала долгую беседу с новой репатрианткой, лекцию для новичка с наукой жизни и открытием «секретиков» бывалого, а заодно с разведкой боем, куда и к кому я еду... ну, и прочие любопытные прелести столь удачного соседства с ола хадаша. И вдруг – облом!

– Да, знаете ли, – я вздохнула как можно более горестно и жалко, – такие были сумасшедшие дни, сборы... Устала жутко! Надо вздремнуть... Ведь столько всего предстоит...

Спать я не собиралась. Вернее, была бы рада, но... Я не могу спать ни минуты без сновидных, бесполезно даже пытаться. К тому же эти четыре часа необходимы мне для осмысления происходящего. Казалось бы – зачем снова, зачем опять! Разве все последние долгие и насыщенные месяцы я не обдумывала всё тысячу, миллион раз?

Но сидит в мозгу заноза тревоги, даже страха: всё время думаю о том, удастся ли мне убежать от того странного, непонятного, пугающего, что происходит со мной уже несколько лет. А, может, происходило всю мою жизнь, просто я не понимала этого. Не осознавала? Жила, как в каком-то идиотском анабиозе, не отдавая отчёта в том, как, куда, почему и зачем я живу? И мой мозг, несчастный больной мозг, уже не зная, какого пинка ещё мне дать, чтобы я опомнилась и что-то сделала с собой и своей жизнью, решил вот таким макаром поиздеваться надо мной и устроил мне всю ту нереальную фантазмагорию, такую, что приходится бежать в другую страну, на край света, в надежде сохранить хотя бы остатки разума?

Не знаю. На все эти вопросы у меня до сих пор нет ответа. А я не могу жить без этого, я боюсь сама себя, завтрашнего дня и любой грядущей минуты, которая может внезапно погрузить меня в сюрреалистический кошмар. Я никогда от этого не застрахована. И всё время рискую провалиться в... не знаю, во что, не знаю, как это назвать и что вообще со мной творится. Я должна быть всё время начеку и в безумных играх разума пытаться отыскать суть и причину происходящего именно разумом же, мыслью, анализом. Умом. Если он у меня ещё остался, конечно.

Поэтому я закрываю маской глаза и притворяюсь спящей.

– Вас разбудить, когда принесут еду? – печально, но участливо спросила соседка, надеясь, очевидно, хотя бы во время трапезы поболтать со мной.

– О, я буду вам очень благодарна! – светски улыбнулась я, на секунду освободив один глаз из-под маски и подарив таки женщине толику радости. – Вы так любезны!

Где логика? Где логика в моём поведении? Со мной хотят поговорить, я чем-то интересна, я вовсе не противна и не отталкиваю от себя – разве не это было моим вечным кошмаром на протяжении почти всей жизни? Ведь лишь совсем недавно вдруг наступило прозрение и понимание, что никто меня прямо вот так сразу не отталкивает, никому я заранее не противна. А поздно. Уже не надо. Уже сама не хочу. Не хочу ни с кем говорить и не мечтаю быть приятной и желанной для беседы. Да вообще ни для чего... Я хочу быть наедине только с собой и своими мыслями, как бы они тяжелы ни были. Если бы ещё моё сознание не выделявало тех штук, сделавших из меня то ли тихую сумасшедшую, то ли социально опасного маньяка – никак не могу разобраться.

Самолёт оторвался от взлётной полосы. Но я этого уже не видела – мои глаза были надёжно отделены от мира куском чёрном материи. На целых четыре с лишним часа.

А ещё нет никакой логики в том, что я очень часто размышляю на тему «до какого момента было не поздно всё изменить и повернуть вспять». С чего и зачем я думаю об этом, ежели вовсе не хочу и не собираюсь ничего отменять и менять? Хм, смешно. Можно подумать, что если бы хотела и собиралась, то это было бы возможно. Впрочем, в связи со всем происходящим ответ на этот вопрос не столь очевиден.

Появившуюся у меня в привычке нелогичную и абсолютно пустую по смыслу игру ума я приписываю всё тому же хулиганству собственного сознания, которое развлекается подобным образом: а что было бы, если? С некоторых пор я смирилась: пушай хулиганит это самое сознание. Я даже иногда стану играть в его игры, раз уж ему так хочется, то есть отвечать на заведомо бессмысленные вопросы, представлять нереальные ситуации, моделируя: «представим себе, что...». Ну, представим. Проиграем неслучившуюся историю. Потешим дурной мозг.

Мозг дурной, но не больной: у меня нет никакого официального диагноза. По крайней мере, врачи, профессионалы чётко сказали, что я здорова. Психически здорова. И нечего каждый раз думать о себе плохо. Впрочем, почему же плохо? Больной человек – он ни в чём не виноват, он – жертва болезни. А я... Я просто с прибабахом. С дурной башкой живу. Никому не мешаю, сама себе, правда, бываю не рада, но кому от этого плохо? И если бы эти игрища были главным в моём психически здоровом безумии, если бы... Можно было бы считать, что я легко отделалась.

Но легко отделаться явно не получилось, и именно поэтому я сейчас лечу в Боинге на новую родину с одной-единственной целью: попытаться перезагрузить своё сознание, встряхнуть себя и свой мозг и таким хитрым и затратным образом попробовать вырваться из плена игрищ разума, умучивших меня за эти годы окончательно.

Полгода назад я приняла твёрдое решение – репатрироваться в Израиль. Ради самоперезагрузки. Созвонилась с тёткой Полиной, уехавшей ещё в восьмидесятых. Разумеется, тогда они уезжали «навсегда», а мы, остающиеся, думали, что больше сроду их не увидим. Впрочем, большого горя по этому поводу в нашей семье не случилось.

– От себя не уедешь, – кривила губы мама в презрении. – Линка вечно всем на свете недобольна, ей плохо везде и всегда. Ей плохо там, где она есть. Значит, будет плохо и в Израиле.

Сёстры недолюбливали друг друга, по-моему, с детства. Меня это удивляло: разница между ними всего два года без двух месяцев, казалось бы, должны быть подружки-не разлей вода! Такие у меня были наивные представления о сестринстве. Своих братьев-сестёр не имею, поэтому романтизирую, наверное. Судя по маме и тёте Полине, сёстры – это вечно конкурирующие и завистливые существа, не прощающие друг дружке успеха и благополучия, счастья и удач. Поэтому им часто бывает не очень комфортно, так как у «противной» стороны периодически случается что-нибудь замечательное: то мальчик симпатичный в кавалерах, то «пятёрки» в дипломе, то удачная работа подвернулась, то в замужестве счастье случилось. Впрочем, по нашей жизни для таких «любящих» людей радостные новости тоже не редкость: то сестру болячки одолевают, то её дочь получилась не очень удачной во всех смыслах, то муж загулял и сестра обрыдалась до состояния опухшей бомжихи... Всё – радость! И где же эта пресловутая еврейская семейственность?

– Мы разбавленные русским соусом, – мама смеялась и махала рукой в ответ на моё недоумение. – Фифти-фифти – не кот чихнул. Папочкино русское наплевательство на всех близких и дальних сдоминировало. Даже сдетонировало! Так что, из еврейства в нас только волосы и глаза.

Это правда. Густые тяжёлые гривы и семитские чуть навывкате чёрные глазищи с узнаваемым разрезом, который никогда не позволит притвориться ни цыганкой, ни турчанкой – фирменный знак всех женщин нашей семьи: и мамин, и мой, и Полинин, и её дочери Галки. И Сашенька моя такая же.

Так и жили две внешне похожие друг на друга сестрички с крохотной разницей в возрасте, всю жизнь пристально следя одна за другой и не прощая ни малейшей радости в жизни сестры и не умея скрыть своё счастье, когда у другой случалась беда.

Когда тётя Полина засобиралась в эмиграцию, первая мамина реакция была: «Вот пройдоха! И тут подсуетилась!» По-моему, явная зависть. Но сделать то же самое мама не решалась: папа к тому времени уже умер, отчим был ненадёжный товарищ, сама мама со своей специальностью корректора явно ни на что не рассчитывала нигде, кроме Москвы. А у тётки Полины был весьма перспективный во всех смыслах муж – доктор наук, врач–стоматолог. С таким «грузом» нигде не пропадёшь, всегда будешь обеспечен и работой, и деньгами, и удачной абсорбцией.

Моей маме было жизненно необходимо найти причину, почему уезжать в Израиль – плохо и бездарно. Помню, не один день она потратила на то, чтобы добыть много убедительных фактов, как на самом деле не повезло её сестре Лине. Она обзвонила всех своих близких и дальних знакомых, кто имел хоть какое-то отношение к Израилю, у кого там жили родственники, кто по работе мог хоть что-то знать. И примерно через неделю вердикт был готов.

– Маленькая провинциальная страна, – смеялась мама, радостно сверкая красивыми зубами и аж зарумянясь от довольства. – Там нет ничего – ни европейской культуры, ни американского богатства. Только пустыня, жарыща и войны бесконечные. Да уж, стоило рваться в такую эмиграцию! – и звонкий хохот.

Мне было десять лет, но я всё это хорошо помню, потому что страшные слова «эмиграция» и «Израиль» тогда были реально пугающими, опасными, таинственными и... недружелюбными, что ли? Тётя Лина представлялась мне космонавтом, который должен выйти в открытый космос – по опасности и таинственности «Израиль» и «эмиграция» пребывали в моём сознании примерно в той же категории, как и далёкий открытый космос, полёт на Марс или к Альфа-Центавре.

Я тоже не переживала из-за отъезда тётки Полины и своей двоюродной сестры Галки. Мы все не были близки, семья была дружной лишь формально, напоказ, по большим праздникам. А так... Никто никому не был нужен. И если мама с тёткой Полиной ещё находили какой-то смысл в своей близости – смысл вечного соревнования и конкуренции, то нас с Галкой уже совсем ничего не связывало. Тем более что мы были слишком разные. Я – интроверт с кучей комплексов, она – активная, шумная пионерка, вся в общественной работе, явно нацеленная на хорошую карьеру. Но мать увезла её в Израиль – от пионерии, от комсомольского будущего, от активной общественной деятельности. И что такого? Галка нашла себя и там – в том же самом! Нынче она работает в Кнессете, в каком-то комитете по защите чего-то там... я не очень в курсе, но касается эта защита прав научной деятельности репатриантов – словом, меня, как репатриантку, не касается никаким боком, я не учёная и мне рассчитывать на Галку нечего. Да ведь я и не рассчитывала на родню ни чуточки, сразу сказала твёрдо и себе, и ей в тот свой приезд два месяца назад:

– Гал, не смотри на меня так напряжённо: мне от вас ничего не надо, никакая помощь в принципе не требуется! Расслабься! Я при деньгах, буду рантьерствовать, мне даже от государства Израиль помощи не требуется.

Галка вся завибрировала, затараторила:

– Да что ты такое говоришь, Ань? Уж разве я тебе не помогу, чем могу? Разве мы не родня? И государство тебе выдаст корзину абсорбции – не вздумай отказываться, ненормальная! Это положено всем репатриантам, не осложняй жизнь этому государству, ему проще дать, чем не дать, иначе оно не поймёт, чего ты припёрлась и что тебе нужно от него... – она бы ещё долго смущённо тарабанила, но я её решительно остановила, повысив голос:

– Не галди! Слушай меня: у государства, так и быть, денежку возьму, а от тебя мне нужна конкретная, но очень простая услуга. Выслушай меня, какая...

Сестра замерла, затихла, сжала кулачки, в напряжении. Бедняга, всё-таки ждала трудных для исполнения просьб! Ох, как она расслабилась и обрадовалась, когда услышала:

– Помоги мне только определиться, где и как лучше устроиться жить, как снять жильё и вообще просвети про быт и нравы.

Сестра тут же залепетала что-то облегчённо, заобнимала меня, зацеловала! Эх, святая простота... Даже не пыталась скрыть своего ликования, что никаких серьёзных телодвижений делать не придётся, что вся подмога – исключительно консультационная. Понятное дело: они переезжали сюда много лет назад нищими. И все были нищие, все репатрианты из Советского Союза. Все прошли через чужие вещи, мебель, посуду, через чьи-то милостыни и подарки... И никак не могут сегодняшние израильтяне, которых из тех наших, привыкнуть к тому, что нынче из России часто едут люди вполне благополучные и обеспеченные. До сих пор не понимают, откуда в России вдруг взялись деньги. Их же не было ни у кого! Ну, кроме торгашей и номенклатуры. У стоматологов тоже кое-что было, безусловно. Но вот вывезти это «кое-что» из СССР было невозможно. Поэтому мой дядя-стоматолог, доктор наук, приехал с семьёй в Израиль таким же бедным, как и все прочие инженеры и учителя.

Помогла мне Галка, безусловно, помогла! Сколько б без неё я разбиралась в совершенно незнакомой мне географии, где какой город, где какая справедливая стоимость квартир, чем север отличается от юга, почему в Хайфе жить намного дешевле, чем в центре... Сестра буквально за один вечер впишула в меня всю нужную информацию, а ещё снабдила телефоном своего хорошего знакомого маклера, и не просто маклера, а «правой руки владельца крупнейшего агентства недвижимости». Всё это было чуть более двух месяцев назад. Я уже была почти что репатрианткой – в Москве мне оставалось полмесяца до очереди на собеседование в посольстве. Никаких сомнений в том, что разрешение мне дадут легко не было, так как моё еврейство по матери неоспоримо и очевидно. Поэтому я и рванула тогда в Израиль заранее – ошарашить своим появлением родню и найти себе жильё. Чтоб потом не метаться с чемоданами по чужой стране.

Проблема денег меня не шибко волновала, я знала, что московская трёшка в аренду стоит очень недурных денег, а в Израиле мне нужно было бы найти что-то совсем маленькое – на одного человека. Таким образом, должно было хватить и на съём, и на жизнь. То, что я вряд ли стану работать, было тоже очевидно.

Денег хватило. Квартиру я нашла. Не совсем такую, как думала, потому что маленьких квартир в Израиле, как оказалось, нету. Точнее, есть, но их страшно мало, они в дефиците! Вот ведь неожиданность какая. А выбрала я не самый дешёвый город страны, а Нетанию.

Городок на море, облюбованный большим количеством и европейских, и марокканских евреев. Туристов и гостей в городке очень много, а потому место не самое дешёвое, зато и весьма симпатичное. Мне понравились новые районы – красивые, высокие дома, прелестные зелёные дворики, чистота, аккуратность. После Москвы это всё произвело впечатление. Море рядом, до Тель-Авива – четверть часа на машине.

Ещё меня зацепила, рассмешив, одна ужасно забавная деталь. Когда я изучала в Интернете карту Израиля, а, точнее, местность вокруг Нетании, то наткнулась на местечко, как потом выяснилось, мошав, название которого встроенный переводчик перевёл как «Как связаться с Моисеем» (Цур-Моше). Меня покорило это название до невозможности, я чуть было не решила ехать жить именно туда... Но мне быстро объяснили, что такое мошав, что это вряд ли для меня, не по моему характеру и не по моим привычкам. Ладно, решила я, утешусь тем, что связаться с Моисеем можно совсем недалеко от Нетании.

В общем, показалось, что Нетания – оптимальный выбор. Квартира двухкомнатная – огромная гостиная, совмещённая с кухней, и небольшая спальня. И это самое маленькое из приличного, что удалось найти! А вообще-то меньше трёх комнат даже не предлагали.

Квартирка расположена в довольно старом, но очень чистом и ухоженном четырёхэтажном доме. С мебелью вполне пристойной, хотя, скорее всего, сама я прикупила бы что-нибудь другое, попримечнее, но я же не Илюша, моя последняя печальная любовь, который непременно сморщил бы свой красивый нос, выпятил бы нижнюю губку и произнёс бы нечто вроде: «Ну, ясно, провинция есть провинция, кому и коврик с русалкой искусство...». В общем, я – не Илюша, для меня сойдёт. Чисто, аккуратно, не разваливается – и хорошо. Главное, что по деньгам получилось даже лучше, чем я рассчитывала – процентов на тридцать меньше мысленно положенной на это мною суммы. Так что, от грядущей сдачи московских хором (а у меня-то там таки хоромы) на «жизнь и развлечения» должны были остаться весьма недурные шекели. Я могла рантировать спокойно, не шикая, но и не считая копейки, носясь в поисках самой дешёвой еды и одежды. При таком раскладе даже неловко как-то было брать «корзину абсорбции» от государства, но отказаться от неё было бы довольно муторным делом. Ладно, положено – так положено. Когда придёт время, буду платить все налоги и никогда не стану притворяться неимущей и несчастной, пытаюсь что-то ещё урвать у страны. Я просто буду жить честно. Так я сама для себя постановила, подобным смешным способом успокоив взбрыкнувшую было совесть.

С маклером от Галки заодно договорилась о том, что он поможет мне купить машину – причём, прямёхонько к моему приезду. Чтоб сразу была. Я подробно обсудила с ним, на что я рассчитываю, парень сориентировал меня, так сказать, по местности и времени, я скорректировала свои московские аппетиты. Мы договорились за небольшое вознаграждение ему о том, что к тому времени, как я сойду с трапа в качестве новой гражданки Израиля, под окнами снятой квартиры уже будет стоять авто.

За квартиру я согласилась заплатить за год вперёд, и жутко обрадованные этим фактом хозяева не возражали, что срок съёма начнёт отсчитываться не со дня подписания договора, а через два месяца. В общем, всё сложилось как-то удачно, лепо. И в этом я углядела что-то вроде перста провидения: я поступаю правильно, действую, как надо, приняла, очевидно, верное решение. Такое со мной бывало нечасто, прямо скажем, страшно редко: мне кажется, в своей жизни я только и делала, что совершала ошибки, творила что-то не то, нечто глупое, о чём всегда впоследствии или жалела, или стыдилась. Так и живу, сколько себя помню: красная от стыда и неловкости из-за воспоминаний, занимающих в моей голове основное место. В ней уже давно не осталось ни уголочка для мыслей о будущем, для мечты или каких-то серьёзных планов. Сплошное прошлое. Которое стало реальностью... тягостной и странной, хотя иногда сладкой и щемящей. Ой, это так сложно, так невозможно объяснить! Потому что не получается даже самой понять. Куда уж облечь в слова и образы, чтобы рассказать об этом!

После результативной поездки я вернулась в Москву и развела бешеную деятельность по сдаче московской квартиры. Как хорошо, что она у меня есть и что она отличная! Вообще-то, мы с мужем и дочерью были отнюдь не бедной семьёй (были... семьёй...). Хотя все наши богатства – не те, которыми можно гордиться. Сплошные наследства, рухнувшие на меня совершенно незаслуженно, а только и исключительно потому, что у родни не оказалось детей. Так, двоюродная тётка отписала мне аж две квартиры: одну свою – а тётка была крупной шишкой в госбанке всю советскую жизнь, и государство подарило ей с мужем просторную «двушку» в весьма престижном столичном месте. А уже в новые времена её муж, пользуясь связями жены, немножко «побизнесовал» и наработал ещё одну трёшку – в плохоньком районе, но всё-таки в Москве. А в конце 90-х оба сильно сдали, начали подолгу болеть и как-то очень быстро ушли друг за другом, буквально в течение года. Сосуды, давление, инфаркты...

Как ни странно, но как раз с этими родственниками мы общались довольно часто, и старики – они всегда в моём представлении с самого детства были глубокими стариками – очень нежно ко мне относились. У них никогда не было своих детей, поэтому они всегда заваливали меня подарками, конфетами и поцелуями. В сущности, добрые были люди. Я искренне пла-

кала, когда их не стало. А тут ещё такой сюрприз: они именно мне отписали обе свои квартиры. Фантастика! В одночасье я стала небедной женщиной, хотя и так не была нищей: и сама работала, и муж работал, и жить нам было где: поженившись, мы поселились в квартире отчима, которая сколько-то лет стояла вообще пустая, отчим-то жил с нами.

Когда в моей жизни появился Лёша, а следом довольно быстро родилась Сашка, отчим милостиво позволил нашей молодой семье поселиться в его двушке на Варшавском шоссе. Так что, никакой нищеты и неустроенности в нашем существовании не было.

Но случилось вот такое... везение. Мы как-то враз разбогатели. Я даже думала одну из квартир отдать маме – что это вдруг мне сразу две? Но мама решительно заявила:

– На тебя написано, значит, твоё. А мы с Сержем не пропадём, у нас есть своё.

Мама звала своего мужа исключительно на французский манер. А я заметила, как полыхнули его глаза на моих словах о второй квартире. Но он не посмел влезать в наше семейное. Не посмел всё-таки... Спасибо ему большое хотя бы и на том.

Но мама не раз мне припомнит эти квартиры...

– Тебе в этой жизни всё достаётся на халяву, – говорила мне она потом нередко в плохие минуты наших отношений. – Живёшь, как у Христа за пазухой всю жизнь, ни черта усилий не прилагаешь, всё тебе достаётся за просто так.

Можно подумать, что она всегда тяжело пахала и сеяла ради куска хлеба. Квартиру, где я выросла и где нынче она обитала со своим мужем, в своё время дали папе – он был отличным инженером, кандидатом наук, его очень ценили в его НИИ... Да и НИИ был серьёзный, оборонный. Папа и пахал, как каторжный, это правда. И всё в клювике таскал в свой дом, семье, жене и дочери, мне, то есть. Папа... Он, наверное, никогда не попрекнул бы меня никакими «подарками жизни», если бы был жив.

Потом она зло смеялась, когда дочь Сашка в восемнадцать лет вышла замуж и уехала в Штаты. Нет, не за американца, а за нашего мальчика, студента американского университета. У него в Штатах осели родители – программисты, естественно! Оба – востребованные и благополучные. Вырастили там сына, «поступили его» в университет. А он на лето приехал в Москву навестить бабушку. И в случайной компании познакомился с Сашкой. К её чести она две первые недели понятия не имела, что мальчик из весьма обеспеченной семьи. Просто влюбилась. И мальчик Петя (Пит) потерял голову. Они ведь даже чем-то внешне похожи: черноглазые, кудрявые, тонкие, высокие, подвижные, энергичные. И как те голубки – ворковали беспрестанно, держались за ручки, трогательно тёрлись друг о друга носами. Смотреть на них было забавно. Ну вот, так моя малышка уехала в Штаты, где тоже поступила в Петин же университет – зря, что ли, мы с третьего класса инглиш долбили до посинения? А Саша к языкам способная, она потом ещё и за французский взялась...

И как это называется – повезло или судьба? Для моей мамы это всё называется другими двумя словами – незаслуженная халява. (Что нелогично – халява и не может быть заслуженной, на то она и халява.) Поэтому, узнав про то, что Саша выходит замуж и едет в Америку, она зло хихикнула:

– Ещё одна халявщица! Везёт же вам. Обеим.

Что-то в этом было нехорошее, злое. Очень сильно на зависть похожее. Но, поскольку мне трудно себе вообразить, что можно завидовать родным людям, я отгоняла от себя эту дурную мысль, пытаюсь вместо неё пристроить идею о том, что для маминого поколения «замуж в Америку» – это нечто дурное, типа «работать в борделе», даже если сознание не замшелое совковое, а вполне себе продвинутое. Ну, есть такой пункт у людей в головах, есть! Иногда, наверное, сами себе отчёта не отдают, когда их мозги накрывает волна – изнутри их собственного подсознания! – волна вдолбленной в самые извилины пропаганды в виде готовых сентенций, услужливо подсовываемых памятью: уехать за границу – предать родину; выйти замуж за состоятельного человека – продаться... В общем, Сашка была подвергнута остракизму, а

я презрению за плохое воспитание дочери. Что ж, если вдуматься, то ничего неожиданного. Всё логично.

Но вернёмся к квартирам... Так вот, то наследство – это был единственно возможный способ нашего «обогащения» и благополучия. Я была рядовым из рядовейших журналистов, превратившимся в новейшие времена в редактора-слоганиста забубённой рекламной газетки. А Лёшка...

Муж мой Лёшка был обычным советским мужичком-простачком-бессребренником. Инженер без блеска и без будущего, середнячок по призванию и сути своей. В меру ответственный, в меру обязательный, но не злой, непьющий, дочку любил. Звёзды с неба ему были недоступны в силу невысокого интеллекта и слабого характера, зато по этим же причинам он очень крепенько всегда держался за то реальное, что у него было или сваливалось ему на радость, как моё, к примеру, наследство, и не искал никакой лучшей доли, предпочитая радоваться тому, что есть. В общем, мечта советской женщины-матери. У нас случился типичный студенческий брак: два юных щенка с дикой жадой постоянного секса и с большими тараканами в голове у невесты. Про тараканов Лёшка, разумеется, ничего не знал. Но если бы у меня в резонах был только секс, никакого брака не случилось бы. Главными были тараканы. Они решали, они и решили.

Главный таракан, не слезавший с трибуны, с удивительно громким голосом и фантастическим умением убеждать, вещал, не переставая, что мои шансы на женское счастье равны абсолютному нулю, что меня сроду никто и никогда не сможет полюбить, ибо не за что и незачем... что если уж выискался дурачок, который дал слабину и хотя бы на мгновение прельстился моими лупоглазыми буркалами, то надо хватать его, как дефицит из-под прилавка! Не разбираясь, как и в случае с дефицитом, нужен ли тебе конкретно вот этот отрез весёленького ситчика в цветочек, или низачем не сдался, потому что ты шить сроду не умела и не любила. Разбираться будем потом, пока что нужно брать, не раздумывая и не мешкая, иначе уведут (ой, уведут!) с руками этот ситчик... то есть, этого мальчика, оторвут – мальчик-то годящийся.

И вцепилась я тогда в Лёшку, по-моему, совершенно неприлично вцепилась, юридически роняя ниже некуда своё достоинство. Или это мне сейчас так кажется? Но то, что парень одурел от моего напора, очевидно. Ему явно было и лестно, и непривычно, и страшно-вато. Наверное, от меня в иные моменты ему хотелось рвануть на Северный полюс или ещё подальше. К примеру, когда я висела на его руке и, хлюпая носом, скулила о том, как он мне дорог и нужен в этой жизни. Брррр! Да я б на его месте бежала на край географии от такой полубезумной и страстной девчонки! Но он не решился. Или я слишком крепко висела на его руке, чересчур сильно вцепившись пальцами в его тело? Возможно, даже вонзая в него свои ногти... Как же тут рванёшь без риска быть покалеченным и уж точно порвать одежду?

Я заёрзала в своём неудобном кресле: стоило вспомнить ту себя, с теми моими чувствами, мыслями и страхами, как тут же захотелось бурно трясти башкой, чтобы вытряхнуть это всё оттуда, как подванивающий мусор. И не стоит думать, что мне жалко себя, что я рыдаю над той юной девушкой, искавшей спасения в любви, точнее, в иллюзии этой любви. Нет. Мне смертельно стыдно. И перед собой, и перед Лёшкой, и перед дочкой Сашкой... Перед мирозданием, наконец! Жила-была девица без никакого самолюбия, без гордости и чувства собственного достоинства. Жила и искала, в кого бы вцепиться мёртвой хваткой, чтоб полюбил? Нашла. Вцепилась. Женила на себе. И потом долгие годы сама мучилась и парня мучила. Типично советская тётка с комплексами и желанием замуж любой ценой. Хотя не вполне... Мне на самом деле нужна была любовь, хоть какая-нибудь любовь, чтобы не чувствовать себя ущербной. Ну, вот и получила «хоть какую-нибудь», как заказывали, получите и распишитесь.

Самое первое моё замыкание (я так стала называть то, что со мной происходит вот уже пять лет) было как раз связано с началом отношений с Лёшкой. Тот самый первый день, самое-пресамое начало...

В полной мере замыкания начались не сразу, сначала некоторое время мучили предвестники. Меня тогда колотило и терзало по-чёрному: то я начинала рыдать, оплакивая свою бездарную жизнь, то вдруг хохотала, как безумная, как бы смотря на ситуацию со стороны и поражаясь её тупости и нелепости. Меня порицали и ругали все, абсолютно все, даже дочь. К счастью, Сашка была ещё недосформированным человечком, она просто сыграла тогда в команде – в команде семьи, родни. А я была в эпицентре всеобщего осуждения. На меня орала мать, надо мной потешался отчим, а Лёшка...

Лёшка вдруг показал зубы. Оказывается, они у него были и ещё какие острые! Кто бы мог подумать, семнадцать лет вместе и никогда прежде он не проявлялся, как мужчина-садист, мужчина-деспот, мужчина-мститель. Ну, скажем прямо, разозлиться было из-за чего: я решила порушить нашу дружную совковую семейку. Я встретила Илюшу и... пропала. Вдруг узнала, что такое любовь и страсть, вдруг поняла, что меня любят со всеми моими недостатками и даже пороками – о как! Пороками... Именно так я о себе и думала. А самое главное, мне стало вдруг интересно жить! Илюша – кладезь ума, интеллекта и знаний. Всю прежнюю жизнь я смотрела на таких людей со стороны, будучи совершенно уверенной в том, что они никогда не снизойдут до общения со мной, никчёмной и серой. И я никогда к ним не лезла, даже не пыталась вызвать у них интерес к своей ничтожной персоне.

И вдруг такой человек сам проявил ко мне огромное внимание. Мы встретились на моей работе, он был заказчиком рекламы для своей фирмы, а я работала с их текстами. И мы как-то легко разговорились, разболтались, я расслабилась и просто была самой собой. И даже не поняла, что меня «клеят», что Илюша, которому я понравилась чисто внешне, решил закадрить симпатичную женщину. Я-то себя не числила по разряду тех дам, которых кадрируют с дальним прицелом. Поэтому спокойно пошла с клиентом выпить кофе в кафетерий, где мы болтали о жизни и о моём любимом кино. Я очень люблю кино, особенно хорошее советское. Кино – это целая история из моей жизни...

С раннего детства я очень любила смотреть все фильмы, что показывали по телевизору, даже взрослые. Не всегда всё понимая, но всем своим детским умом впитывая несущиеся с экрана эмоции, слова, внимательно слушая рассуждения героев, стараясь понять и прочувствовать всё то, что происходит на экране. Находящиеся рядом взрослые не обращали на это внимания, не замечали и ничего со мной не обсуждали. Им даже в голову не приходило, что восьмилетняя девочка внимательно следит, к примеру, за перипетиями фильма «Монолог», ужасно переживает за дедушку и прямо всеми своими детскими гормонами каким-то образом чувствует то, что чувствует главная героиня фильма – юная девушка в исполнении гениальной Неёловой. Нет, я не могла понять всего, даже чувствами не могла! Ой, нет... как раз чувствами – могла! А вот разумом не могла постичь происходящее, в силу возраста мне ещё не было это дано. Чувствами же очень понимала. И потом тихонько плакала у себя в кровати, вспоминая последние сцены фильма, вновь и вновь переживая драматический накал страстей. И так было с очень многими кинолентами. Нашими и зарубежными.

Когда я стала старше, то превратилась в запойную киноманку: ходила в кино почти на всё подряд. Даже одна, без подружек и кавалеров. Находила на афишных стендах кино, которое ещё не видела, и мчалась в кинотеатр, даже если он был на другом конце города. Когда мне исполнилось четырнадцать, ко мне присоединилась моя Ларка. Ларка моя, Лариска любимая...

Да, погружаясь в воспоминания, каждый раз получается, будто скачешь по пересекающимся множествам: одна тема, один человек – мысль о нём цепляет другую тему и другого человека, перескакиваешь на него, глядишь – а уже следующий оказался зацепленным. Бесконечная история, не имеющая начала. Впрочем, можно, конечно, любые воспоминания начать, как водится: сначала был хаос... А потом последовательно и нудно перечислять события по порядку. Внучка за бабушку, бабушка за дедку, дедка за репку – и получается внятное и последовательное повествование. Может, так правильно? Иначе ведь можно запутаться, заблудиться в

собственной голове – не знаешь, куда кидаться, за что или за кого хвататься. Вот только начала про Лёшку, как тут же прыгнула на Илюшу, следом, не закончив про него, на кино, а тут уже и Ларка нарисовалась. Так всю жизнь у меня и не получается толком нормально анализировать, размышлять, думать. Прыгаю с мысли на мысль, с события на событие, с человека на человека. Правы были те, кто всегда считал меня не сильно умной и способной. И не умеющей сосредоточиться на главном. В этом меня всегда упрекала мама:

– Ты будто не здесь и не сейчас! То ли в мечтах, то ли просто в носу ковыряешь, разве так можно чего-то добиться в жизни? Так и будешь всегда пятая-десятая, никакая и серая. Нормальные люди ставят перед собой цели – разные, маленькие, большие и стремятся к ним, по пути ставя промежуточные задачи. Ты же вообще не способная ни цели определить, ни задачи поставить. Живёшь, будто в раю! Всё есть и ничего не надо. Пустоглазая и пустоголовая.

Ох, ошибалась мама насчёт рая, сильно ошибалась! Вот уж никогда я не ощущала себя ни в раю, ни даже у его ворот. И моя отрешённость была от постоянной сосредоточенности на том, как бы вывернуться из-под трамвая под названием жизнь. Чтобы меня не снесло, не сшибло, не переехало, не покалечило. В общем, банальный инстинкт самосохранения, который выражался в ежеминутном напряжении от тяжёлых мыслей, как правильно поступить в тот или иной момент, как правильнее сказать, чтобы не попало-не влетело, в какую сторону сделать верный, то есть, не порицаемый шаг – направо или налево?

Опять, меня унесло далеко от столбовой дороги! А какая дорога, собственно, столбовая? Чего надо держаться, какой мысли, чтобы не прыгать по пересекающимся множествам?

Может, всё-таки попытаться с самого начала и последовательно? А что считать началом?

ЛИЧНО Я...

С сюжетом, вернее, с его развитием и засасыванием в себя пока не очень? Моя лирическая героиня большая любительница порассуждать об отвлечённом. Как я. Вместо того, чтобы лихо гнать волну событий, закручивать водоворот историй и приключений, этот чёртов персонаж копается в мелочах. И ему (ей), как и мне, интересно в них копаться, что ты будешь делать!

Но кое-что наметилось, правда? Для тебя, читатель, наметилось... Лично я прекрасно знаю, чем хочу заинтересовать и, возможно, как сделать, чтобы тебе влипнуть в читаемое. Хотя, не исключаю, что через какое-то время читателей останется полтора человека. Но это будут те самые, самые те, для кого пишу. Может, это важнее, чем привлечь абстрактную публику в некоем серьёзном количестве? Поговорить... говорить можно с единицами, а не с тысячами-миллионами. А мне что нужно? Мне как раз поговорить. Как любителю уединения – бесконтактно. Вот, придумала: литература затворников для бесконтактного общения. Вроде соцсетей, но только с длинными, очень длинными, аж на книгу монологами.

Что же касается массового читателя... Сколько я придумала этих «голливудских» сюжетов – сама не верю, когда вспоминаю! Целая очень «толстая» папка в компьютере – заявки на сценарии. Одна из виселиц на экране, кстати. Нынешний сюжет не оттуда, там спят вечным сном именно голливудские: рассчитанные на громадные бюджеты, стопроцентно кассовые, уж поверьте мне, старой киноманке, кинофанке и вообще самому большому любителю и знатоку кино из ныне живущих. Шутка. Хотя я на самом деле всегда увлекалась синематографом (первая буква именно «С»!), изучала его историю, читала-лопатила всю возможную критику, даже зарубежную... Поэтому понять, что мои придумки – коммерческие бомбы, знаний хватает. Но они так и умрут (уже сдохли) в этих папках, никем, кроме меня не оценённые. Ибо я их никому не показывала, никому о них не рассказывала и не расскажу. Бессмысленно потому что. В России бессмысленно по одной тысяче причин. Отправлять в Штаты – образовывается другая тысяча. Начнём с того, что нужно делать художественный перевод. Собственно, на этом и закончим.

«Вот поели, теперь можно и поспать!» Какое счастье, когда любое своё желание не надо ни с кем ни обсуждать, ни согласовывать! Вот как хочу, так и ворочу собственное время и собственную жизнь. Поработала, сколько в меня влезло, сейчас буду отдыхать. Сколько влезет.

Самое прекрасное, чего мне удалось достичь в этой жизни, чем обеспечить себя в полной мере – одиночеством. Кто-то вздрогнул от одного лишь слова. Бедолага! Для меня сие понятие – стопроцентный синоним свободы и независимости в самом объёмном их смысле. Жаль не с молодых лет, обидно, что уже под закат. Потому что прекраснее жизни без никакой, вот вообще никакой, зависимости ни от кого лично для меня не существует.

Мне пытались внушить и не раз: ты просто никого не любишь, поэтому не знаешь, что зависимость от любимого существа – сладка, что притирка друг к другу двух любящих друг друга «свобод» – это трудный, но прекрасный процесс, в случае успеха которого... и бла-бла-бла до розовых пузырей. Ну, верю, верю же! Но не для меня это всё. И любила, и, может, до сих пор люблю... Исповедоваться на эту тему только ненавижу. Суть в том, что есть штука-вина, драгоценней которой для меня ничего нет и уже не будет никогда. Это свобода. Полная, безусловная, абсолютная. А она не терпит никакого соперничества, никакой двойственности, никого рядом с объектом, кроме себя. Приходится выбирать. И выбирается, естественно, та любовь, которая больше.

Три попытки брака – три! Это вам не комар почесался. И каждый раз по большой любви – я без любви или хотя бы огромной симпатии к себе ни человека, ни животное, ни полицейского или адвоката близко не подпущу! Я пыталась строить отношения в разных плоскостях: и забывая на свою страсть – свободу-независимость, ограничивая её, любимую, заставляя себя изменять ей, прелестнице моей; и сочетая две любви – к ней и к мужчине, устраивая, можно сказать, дикий разврат в одной квартире, где вместо двух любящих организмов всегда присутствовали трое: и за обедом, и перед телевизором, и в постели, и по гостям все вместе шлялись. Могло ли подобное безумное непотребство продолжаться долго? Сколько мог терпеть любящий мужчина? Кстати, понятия не имею, сколько некий условный или вполне конкретный Он мог бы терпеть. А конечном счёте, все отношения прекращала я сама.

Что такое притирка двух взрослых людей, при условии, что оба они – умны, самодостаточны, образованы и довольно таки интровертны? Это бесконечные, нескончаемые соглашения, компромиссы и договорённости. Иногда переходящие почти что в базарный торг. И если бы по поводу мусорного ведра и пылесоса!

– Я же прочитал по твоей просьбе ту статью! Почему ты не хочешь посмотреть со мной этот фильм? Мы ж договаривались!

– Договаривались – о чём, милый? Что я за статью кино смотреть стану? Ты, что ли, сожалешь о прочитанном? Мы ж два часа об этом беседовали и так хорошо поговорили...

– Нет, я совсем не сожалею. Прекрасный материал, спорный, но интересный! Однако это же по твоей просьбе я влез в дискуссию... А я тебя теперь прошу посмотреть со мной кино!

– А если я не хочу? Мне совсем не хочется смотреть никакое кино, я читаю книгу, не хочу отрываться.

– То есть, у нас будут всегда в приоритете твои интересы и пицца для твоего ума, а то, что интересно мне, только мне и надо?

– Боже, если бы я знала, во что ты превратишь моё предложение прочитать ту статью, я бы ни в жизнь...

– Это ты превращаешь! Будто я тебе предлагаю жабу на ужин сожрать! Я предлагаю кино посмотреть, а ты...

Идиотизм, разве нет? Тоже из моего межзамужнего опыта. Кто-то жалуется в семейной жизни на сакральную проблему мусорного ведра... Да они счастливые люди! Что такое мусорное ведро, вернее, проблема его вынести, по сравнению с совершенно неразрешимой выше-

описанной ситуацией. Во всех моих трёх весьма коротких браках подобные проблемы в разных вариантах возникали регулярно. И это было ужасно утомительно и отнимало массу сил, которых жалко. Их хотелось тратить на другое.

Жаль, что те, кого я оставила ради своей главной страсти (свободы сиречь одиночества), так, возможно, и не поняли, какой царский подарок я им сделала своим уходом из их жизней. Жить с человеком, для которого главное, каждую минуту главное – чтобы его ни в коем случае не задели в коридоре квартиры, чтобы никто не оказался в ванной комнате, когда ему самому туда надо, чтобы никакой звук, даже тихий, даже родной голос не смел раздаться в момент, когда он ухватился за какую-то важную мысль, которую вот прямо сейчас надо как следует со всех сторон обдумать, а ещё лучше записать – это же добровольный ад, мазохизм сотого уровня, любовь к палке с гвоздями и скипидара в причинные места. Зачем вам, люди, такое нужно? Любите других, любите тех, кто способен это оценить. А ведь обижаются, считая меня земляным червяком, не умеющим ценить и отвечать, платить сторицей... Не умею, да. И сторицы у меня ни для кого нету. Ну, и ладно, прошлое это всё.

Вышла я из прошлого с несмываемым клеймом мизантропа. Причём, мрачного мизантропа. Да хоть горшком назови, только дай жить так, как я хочу! Не возражала, даже думала на своей визитке отрекомендовать себя следующим образом: «Имя Отчество Фамилия. Профессия. Предупреждение для общения: мрачный мизантроп». И сделала бы! Если мне в принципе были бы нужны визитки, но элегантно двумя пальчиками подать свою визитку при знакомстве мне за всю жизнь довелось всего однажды, в далёкой молодости, когда подрабатывала помимо основной своей работы агентом по рекламе в солидной газете, снабдившей визитками всех своих сотрудников, кажется, вплоть до уборщицы. О, понты, понты – весёлые ж 90-е царили на дворе! Визитки были атласно-изумрудного цвета, шрифты затейливые, чисто арабская вязь ярко-золотого цвета. У меня их была целая пачка, а использовала лишь одну... Потому что уволилась оттуда, и мои роскошные визитки стали недействительны. На основной работе (в поликлинике) визитки нам не делали. Но мне нужны были деньги, и я всё пыталась и дальше приткнуться в разные конторы по рекламе, ибо там тогда неплохо платили. Забавно, что в других местах мне даже визитки не успевали сделать, потому что я быстро увольнялась и опять пускалась в поиск нового приработка. Господи, то была бесконечная история! Потому что я увольнялась, устраивалась, уходила, нанималась, хлопала дверью, снова нанималась столько раз, сколько хватило бы на весь коллектив небольшой артели-заводика. Разве ж я могу работать в столь близком контакте с людьми, как этого требовала профессия рекламного агента? Только под общим наркозом. В своей поликлинике я сидела за толстенной дверью рентгеновского кабинета и людей видела раз в полчаса и в очень плохом освещении. То, что нужно. Лично для меня.

Как можно в принципе сосуществовать в одном коллективе много, много рабочих часов, общаться с себе подобными людьми, ежели они только и делают, что пытаются вогнать тебе и в мозг, и в сердце кол поострее? Ну, в том смысле, что помучить, подловить, уличить и размазать твою личность, точно сопли или плевок по асфальту?

Какое-то время я была активна в социальных сетях, завела блоги. Вела их, как дневники, с той лишь существенной разницей, что не заморачивалась приватностью: мои странички были открыты для всех желающих. Я ж не выносила в дневники свою интимную жизнь или гинекологические проблемы! И не была популярной личностью, деятелем шоу-бизнеса или «звездой». А потому думала, что кому я могу быть интересна, кроме личных знакомых и приятелей? Так мне казалось... Ох, как же я ошибалась!

Иногда я писала едкие посты, в которых всячески проявлялась именно в качестве мизантропа и мрачной личности. В каком-то смысле это был слив отрицательных эмоций, отклик на происходящее вокруг... Котиков не постила, нет. Рецептами и готовкой искренне не увлекалась. А вот гадости про человечество писала, да. Неконкретные гадости, так, в стиле «какие

люди таки говно». Писала, видимо, остроумно, читавшие меня смеялись, одобряли, даже забирала в свои блоги мои «мизантропики», как их остроумно прозвала одна фейсбучная френдесса.

Но совершила я однажды фатальную ошибку. Проявила другую свою сторону, в которой, возможно, даже не отдавала себе отчёта. Проявила слабость. Меня всегда адски задевают истории больных детей... А у нас в стране это такая тема, что сам заболеешь триста раз и запросишь эвтаназии, лишь бы не читать, не вникать, не знать этого кошмара. Об этом я тоже часто писала – о жутких фактах и историях из детских больниц, о нехватке денег для лечения малышей... Да не буду я сейчас по сотому разу одно и то же, можно подумать, кто-то ещё не в курсе.

И однажды на свою голову я влипла в активное участие по сбору денег для некоторых конкретных случаев. Я призывала людей и к жалости, и к милосердию. Публиковала фотки детей, реквизиты, куда перечислять деньги, рассказывала про разные драмы «литературным слогом», уж насколько могла. И попалась...

«Так ты – мизантроп или такой херовый благотворитель? Твоё человеконенавистничество – пиар для раскрутки очередного фондика или чо?» «Ты уж определись, овца, любишь ты людей или презираешь? Дети – это будущие мерзкие взрослые, и они уже тоже – люди!» Такого содержания комментарии и письма вдруг повалились на меня в каком-то ненормальном количестве, будто бы я – Алла Пугачёва. Даже не смела подозревать, что в мои блоги захаживает столь ненормальное количество людей – и очень даже разных. «Вы уж лучше не собирайте денег на эту девочку, у вас такие злобные посты, что вы, скорее, оттолкнёте, чем поможете».

От меня вдруг начали активно требовать, чтобы я определилась, кто я такая, чтобы сказала им всем – вот прям дала отчёт! – кто я есть на самом деле и как я смею – смею! – называть себя мизантропом, ежели жалею больных детей, и, напротив, как у меня хватает наглости думать о несчастных малышах, раз я ненавижу людей в принципе.

Сказать, что меня накрыло некоторое недоумение, это в миллион раз занижить мои тогдашние ощущения от происходящего. А самое главное из ощущений привело меня в абсолютный ступор и внутренний диссонанс: я на самом деле не знала, как разрешить дилемму, в которую, в сущности, меня ткнули носом злобные пиксели на экране. Но поняла, что понятия не имею, как ответить на идиотские вопросы, на которые я и отвечать-то не обязана, потому что, чай, не в прокуратуре и не под следствием. И кто вообще спрашивает? И что их подорвало вдруг наброситься на чужого, незнакомого им человека с требованием объясниться? С какой стати? Да пошли они все!

Пошли-то пошли... Но для меня вопрос остался открытым. И по сю пору не имею ни ответа, ни понимания. Я мизантроп? Да. Людей не люблю? Ненавижу. Почему же мне жалко слабых? Почему я не прохожу спокойно и с достоинством мимо, если натыкаюсь... И зачем мне всё это нужно, мать вашу?

Думала долго и мучительно и кое-что нарыла... Хорошее слово и понятие – масштаб. Особенно начинаешь его ценить, когда берёшь в руки карту. Географическую. И смотришь на ту точку, где вот прямо сейчас происходит ад, по какой-то причине гибнут люди, кричат, умирая, дети. Смотришь на это место на карте и, в общем, ничего особенного не чувствуешь, не сильно трогает, слёзы из глаз не текут, сердце бьётся ровно. Место на карте, где творится некий катаклизм. Мало ли мест, мало ли катаклизмов?

Замечали, какие эффектные фокусы умеет делать гугль на своих интерактивных картах: увеличиваешь изображение мышкой и вдруг будто резко-резко падаешь камнем вниз, туда, в это самое место, в гущу событий... Представим, что это касается как раз эпицентра ада. И вот тебе уже показывают совсем другую картинку, ничуть не похожую на выкройку, не схему какую-то, а будто киношку прямо изнутри, из пламени преисподней: ты видишь гибнущих людей, слышишь крики умирающих детей. Ты уже не паришь над планетой высоко в небесах, равнодушно и философски взирая на весь тот ужас внизу: ужас-то где-то там, далеко, он

маленький, его не видно, ты про него знаешь лишь теоретически. Нет, теперь ты внутри, в центре, даже если сам в безопасности, в бронированной капсуле с пулемётами по периметру. Но ты видишь конкретные корчи настоящих людей, а не обозначенных сухими словами и цифрами в теленовостях. Не только картинка меняется, но и твоё личное отношение – вот, в чём штука. Да, я ненавижу людей! Но я не хочу ни смотреть, ни видеть, как они дохнут в мучениях и ужасе. И не хочу даже знать, что они дохнут. Пусть живут, живые же... Поэтому рвусь помочь. Мой мозг обучился видеть ситуацию по-гугловски: вниз-камнем-в эпицентр.

То ли это свойственно далеко не всем, то ли лично я ни хрена не умею объяснять, то ли просто мне надоела эта повальная тупость вокруг. Словом, уничтожила я все свои блоги, самоликвидировалась в Сети. Потому что противно, гадко, невыносимо было вдруг обнаружить себя будто бы на сцене да в белье под пристальными взглядами каких-то странных, злобных и неприятных людей, изо всех сил разглядывающих моё далеко не идеальное и не юное тело в не самом элегантном исподнем...

Впрочем, разве они, люди, бывают другими, а не странными, злобными и неприятными?

Жить в непонимании с самой собой непросто. А я с тех пор ох как не понимаю! Про себя ничего не понимаю. Мало мне было сепарации от внешнего мира и большинства двуногих, так теперь страстно захотелось отделиться, переехать куда-то от самой себя! Не люблю близости с незнакомцами. А уж такой тесной близости – с одним санузлом и общей зубной щёткой – тем более не переносю категорически.

КАК СВЯЗАТЬСЯ С МОИСЕЕМ

Услышала, что разносят напитки. Пришлось постараться сопеть особенно сладко, почти похрапывать, чтобы милая соседка пожалела будить меня ради соков и вина. Женщина заставила нежно ёкнуть моё сердце, по-русски сказав стюардессе Юле:

– Давайте я возьму для неё сок, пусть пока поспит – она очень устала, она ола хадаша...

Душа преисполнилась благодарности к этому абсолютно чужому и при этом столь внимательному ко мне человеку. Я не очень привыкла к доброму отношению за просто так, ни за что, как могут относиться к маленькой пушистой кошечке, которая хороша уже хотя бы потому, что живёт на этом свете. Ей не надо ничего никому доказывать и завоёвывать симпатию. Она получает нежность и ласку по определению.

Наверное, уже никогда и не привыкну к чужой эмпатии. Мой крест: я обязана приложить немалые усилия, чтобы меня хотя бы терпели. Или не претендовать ни на грамм человеческого участия. Так я и не претендую! А меня, как ту кошечку, внезапно чешут за ушком. Непривычно и не могу сказать, что так уж приятно. Чувствую, как моё сознание начинает одолевать неловкость и дурацкое ощущение под названием «Что-то не так»: для иллюстрации можно представить себе нервную музыкальную какофонию, зачем-то исполняемую оркестром, когда каждый инструмент орёт без мелодии что-то своё, никак не соотносясь с прочими оркестрантами, лишь бы показать силу своего звука. Симфония «Что-то не так». Концерт для социофоба с оркестром.

Ладно, проехали. Заглушим жуткую музыку негромкими, но трудными мыслями. Они уберут эти звуки до самого нуля, это точно. Они всё что угодно уберут и перебьют.

Итак, мои мысли о начале, вернее, о том, что считать началом происходящего нынче со мной.

Наверное, начало всему – первые мои размышления о любви. Ещё в детстве. И не о моей любви к прекрасному принцу, никакой романтической чуши! Вообще – о любви, а ещё точнее – о любви ко мне. Которая невозможна в принципе. Был один-единственный человек, который в силу, очевидно, слабости характера и отсутствия принципов, любил меня просто так, такую, какая я есть. Папа. Его не стало, когда мне было восемь лет. И я тогда ещё не понимала, насколько наивно думать о человеке его ума, его уровня и веса в обществе, что де он

слаб характером и не имеет принципов. Несочетаемо. Нереально. Невозможно. Но как ещё мог рассуждать маленький ребёнок, который уже к восьми годам усвоил главное: он, ребёнок, не получился. Он, вернее, она, девочка – глупа, некрасива, неуклюжа, ничем не радуется этот мир. Папа никогда не спорил с этими мамиными утверждениями, никогда не говорил мне, что я вовсе не такая, а очень даже ничего себе. Нет. Каждый раз он всего лишь нежно шептал мне в ушко: «А я всё равно тебя люблю!» – и тихонько, будто воровато целовал в щёку. Я не сразу заметила, что делает он это только в те моменты, когда мама уже прооралась, ушла и нас не видит. Не знаю даже, догадывалась ли она об отцовских тайных ласках или даже знала о том, как папа меня жалеет и утешает. Наверное, всё-таки знала. Потому что однажды, когда мне было лет шестнадцать, в плохой момент наших отношений я крикнула ей: «А вот папа меня любил!», и она вдруг как-то очень быстро, будто всегда была готова парировать и ждала этих моих слов, отреагировала: «Ой, сделать вид и чмокнуть в щёчку может каждый дурак, который хочет дешёвой популярностью!» То есть, не удивилась, ничего не спросила, не была растеряна и даже сама сказала про «чмокнуть». Знала. И то ли не верила в его искренность (дешёвая же популярность), то ли так и не смогла ему простить в том числе и этого.

Не знаю, что ещё она так и не простила папе, но ведь она его и не любила никогда. То есть, про «никогда» знать-то не могу, я вправе судить лишь о том, что видела собственными глазами. И то не совсем так... Видеть-то я видела, но в силу малолетства не могла ни верно оценивать, ни правильно понимать. Анализировать увиденное по-взрослому я стала много лет спустя, думая и вспоминая, но не подводила ли меня память? Я, скорее, помнила и анализировала свои воспоминания об ощущениях, о тех чувствах, что остались, возможно, вместо памяти... в качестве памяти... взамен памяти. Разве я могу побожиться, что всё было именно так, как мне кажется? Конечно, нет. В моём сознании оно было так, как запомнили мои чувства, мои эмоции, то есть, вполне могла случиться интерпретация событий, детская, очень личная интерпретация. Это я поняла довольно быстро, когда начала размышлять уже по-взрослому. Ведь в противном случае получалось бы, что добрый папа – что-то вроде артиста Меркурьева из легендарной «Золушки»: добрый, но трусливый отец, страдавший под гнётом жены-чудовища (ах, великая Раневская, которой разгуляться было негде!).

Подобное восприятие диктовали мои эмоции, но моя же память протестовала: я помнила, как папа любил маму, как часто с нежностью и глуповатой улыбкой счастья делал ей массаж плеч, когда она приходила совершенно убитая с работы и чуть не плакала, что не может разогнуться «после этой восьмичасовой каторги за столом». Почему-то я помнила, что папа был дома... Не на работе? Возможно, он уже болел сердцем, возможно, у него был тогда больничный. И поэтому вечером он встречал маму и делал ей массаж. С любовью и тихими ласковыми словами: «Сейчас тебе полегчает, лапонька! Бедняжка ты моя милая! Сейчас я тебя спасу». А мама чуть ни мурлыкала под его руками от удовольствия... Было такое? Было! Какая уж «Золушка». Скорее, старосветские помещики.

От папы пахло валокордином. Конечно же, не только им и не всегда, но именно этот запах мне запомнился как главный, основной, папин. Поэтому запах валокордина для меня – это сжимание сердца, его болезненный спазм, но не от болезни, а от грустных воспоминаний о родном и любящем меня человеке. Но почему я не помню никакого другого папиного запаха?

Папа! Ты знал и умел что-то такое, что не успел передать мне, не научил меня. Зачем ты так рано ушёл, папа?

Словом, не всё так просто, как хотелось бы. Не было никакой злобной мачехи и затюканного несчастного доброго папочки. Была нормальная советская мать, ненормально добрый и робкий перед ней муж, при всём при этом нежно обожавший свою черноглазую тираншу. И была я, дочь, не падчерица никому, родная. Тогда – никому ещё не падчерица, всем родная. И папа меня очень любил... А мама – неужели не любила совсем?

Нет же, нельзя так утверждать! Ведь помню её вкусные объятия – от неё всегда тонко и нежно пахло каким-то косметическим кремом. "Пондсом", наверное, тогда кроме "Пондса" обычные женщины "из импорта" ничегошеньки больше и не знали, и не имели. Впрочем, утверждать не могу, в моей жизни никакой польской косметики вообще никогда не было. Просто предполагаю. Можно было бы спросить у мамы, давно уже можно было бы... Почему-то не спрашивается. Боюсь, наверное, нарваться на нечто вроде "Кто про что, а шелудивый про баню! Буду я ещё держать в голове всякие глупости!"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.